

УДК 80

ГДЕ И КАК ВОЗНИКАЮТ СМЫСЛЫ (МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА)¹

С. Т. Золян¹, М. В. Ильин^{1, 2}, А. А. Тесля¹
Г. А. Тульчинский^{1, 3}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14

² Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Россия, 117997, Москва, Нахимовский просп., 51/21

³ НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Поступила в редакцию 20.02.2023 г.

Принята к публикации 11.10.2023 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-1

Целью дискуссии было выявление взаимоинтерпретирующих механизмов, обеспечивающих интерфейс между текстом и контекстом (языком и миром, языком и культурой, языком и социумом). Это многоуровневая и связанная отношениями инверсии и рекурсии система систем-интерфейсов, названная нами прагмасемантикой. Она выступает также как платформа-интерфейс соотнесения / преобразования внутрисистемных смысловых единиц и экстралингвистических объектов на множестве возможных миров. Эта платформа наделена аутопойэтическим потенциалом порождать новые операциональные системы-интерфейсы, а также текстуализованные структуры операций и интерпретаций (инструкции, память, рефрейминг). Порождение значения выступает как результат взаимодействия платформы-как-системы с платформой-как-контекстом, учитывая возможность того, что одна порождает и детерминирует операциональный потенциал другой, действуя как рекурсивная петля или лента Мёбиуса. Особую значимость имеет связь между субъектностью и семиозисом смыслообразования, в котором ключевую роль играют текстуализация и оязыковление. Означаемое порождается означающими, структуры которых, будучи сформированы взаимодействиями и практиками, воспроизводят эти процессы. В сложных системах (биологических и др.) возникает возможность саморепликации за счет рекурсивной самоинтерпретации. Тем самым субъектность выступает как своего рода

¹ Круглый стол был организован в рамках проекта №РНФ 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования», осуществляемого в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Светлогорск, июль и декабрь 2022 г.). В обсуждении принимали участие и внесли важный вклад также В.Е. Чернявская, И.Б. Тискин, С.Ю. Куликов, Н.А. Пробст, Т.В. Белецкая и И.А. Костенков. Материалы дискуссии подготовлены к печати Татьяной Белецкой под редакцией Сурена Золяна.

© Золян С. Т., Ильин М. В., Тесля А. А., Тульчинский Г. Л., 2024

универсальный интерфейс, реализующий смену контекстов, их взаимодействие, порождение возможных новых, обеспечивая прокреативность и преадаптивность системы, ее устойчивость и развитие.

Ключевые слова: семиотика, прагмасемантика, семиозис, контекстуализация, смыслообразование, субъектность, оязыковление

1. Введение: к разграничению семантики и прагматики

С. Т. Золян: Цель нашей дискуссии — в режиме свободного обсуждения рассмотреть два вопроса: где и как возникают смыслы. На самом деле это единая проблема — смысл неотделим от операций над ним и предполагает некоторое уже семантизированное и структурированное пространство этих операций (условно — текст и контекст). Поэтому встает задача, противоположная той, которая интенсивно обсуждается в начатой еще в пятидесятые годы и продолжающейся вплоть до последнего времени дискуссии относительно разграничения семантики и прагматики. В целом, несмотря на серьезные разночтения, сформировалось следующее понимание: прагматика, в отличие от семантики, изучает значения не в системе, а в контексте. Между тем не может быть значения вне контекстов его употребления, и так называемые словарные значения суть абстракция от этих контекстов. Также не может быть контекстуальных значений, не выводимых из их закрепленной в системе языка семантики. Безусловно, разграничение семантики и прагматики оправдано и необходимо хотя бы для того, чтобы понять, как возможен их синтез. Но если рассматривать, как возникают и функционируют смыслы, то это разграничение только мешает. Преодолеть возникающий разрыв поможет динамическое понимание смысла, его рассмотрение как процесса, или операции (ср.: (Луман, 2004, с. 46–47)). Это позволяет установить отношения между разнородными факторами, благодаря чему кругообразность предстает как рекурсивная интерпретация, своего рода «странная» герменевтическая петля (Hofstadter, 2007) (она названа «странной», так как предполагает межуровневые переходы, в том числе и возвращение на исходный уровень — как на графиках Эшера).

Для этого требуется система взаимоинтерпретирующих механизмов, обеспечивающих интерфейс как между текстом и контекстом (языком и миром, языком и культурой, языком и социумом), так и между промежуточными системами (от контекста в наиболее узком значении — как синтагматического окружения лексической единицы — до предельно широкого, вплоть до семиосферы в целом). Эту систему систем-интерфейсов можно назвать прагмасемантикой. В свое время мы предложили понятие *поэтической прагмасемантики* (Золян, 1991), истолковав его как функцию, соотносящую высказывание с его контекстами на множестве возможных миров, включающем как актуальный мир в различные моменты времени, так и воображаемые (поэтические) миры / контексты, приписываемые высказыванию. Можно расширить ранее предложенное понимание прагмасемантики как семантики контекст-

но-зависимых единиц и структур и рассматривать ее как платформу-интерфейс соотнесения / преобразования внутрисистемных смысловых единиц и экстралингвистических объектов на множестве возможных миров.

2. Между системой и контекстом

С. Т. Золян: Какова содержательная значимость такого подхода к смыслу? Для чего требуется задание особой системы интерфейсов? Дело в том, что возможность непосредственной манифестации языка в речь представляется проблематичной, что, кстати, осознавал и сам Соссюр, если судить по его черновикам². Требуется ряд переходных подсистем (стиль, дискурс, регистр и т.п.), определяющих взаимодействие системы и контекста. При всем их разнообразии и специфичности в общем виде эти процессы можно представить как текстуализацию контекста (или представление процесса контекстуализации как текста) и, одновременно, как контекстуализацию текста (или, аналогично, представить процесс текстуализации в виде контекстно зависимых интерпретаций, предполагающих реконструкцию их контекстов). Контекст предстает в виде текста, а текст задает контекст возможных интерпретаций.

Подобная система интерфейсов, которые в свою очередь в процессе дифференциации становятся системами со своими собственными интерфейсами, создает многоуровневый каскад смысловых отношений. В зависимости от характера этих отношений они могут быть идентифицированы как различные типы значений (социальные, культурные, языковые с их особой типологией: прямые, переносные, экспрессивные, дейктические и т.д.). Конкретизируя проблему, можно выделить прагмасемантику как основной интерфейс взаимодействия между языком и миром: это в наибольшей степени приближенный к семантической системе языка каскад интерфейсов, или подсистем, репрезентирующий само отношение R между миром W, языком L и текстом T в контексте C — это R: (L, W, C, T). Предполагается, что прагмасемантика — это не буферная или пограничная зона, а именно особая область (или — система систем), в которой создаются смысловые и текстуальные структуры. Вместе с тем интерфейсы сами становятся системами. Пространство между языком и речью заполняется промежуточными операциональными системами. Прагмасемантика есть система систем (механизмов) контекстуализации текста и формализации (текстуализации) контекста, или же комплексное отношение, которое манифестируется через систему механизмов и операций, определяющих взаимодействие знаковой системы и контекста. Описание прагмасемантических операций

² Ср. с вопросом, которым задается Соссюр: «Язык создается исключительно применительно к дискурсу; но что отличает дискурс от языковой системы и что позволяет нам говорить, что языковая система в любой данный момент вступает в действие как дискурс?» (Saussure, 2006, p. 197; здесь и далее перевод дискуссантов), подробнее см.: (Золян, 2023г).

тем самым будет осуществляться в двух направлениях: от текста и контекста к системе языка и от системы языка к таким интегральным семантическим комплексам, как семиосфера, культура и т. п.

3. Социально-культурные контексты смыслообразования и субъектность как их универсальный интерфейс

Г. Л. Тульчинский: Я хотел бы обратиться к контекстуализации и возможным способам операционализации контекстов как социально-культурных практик в смыслообразовании. И в этом плане — к конкретизации этих социально-культурных практик, что для нас в прагматике очень важно: как прагматические факторы сказываются на семантических характеристиках, переводятся в них. Это выход к интерфейсам и дискурсивной конвертации. И в этой связи — к возможной операционализации контекстов, контекстуализации. Я позволил себе обозначить несколько таких подходов.

Это, например, описание социальных культурных практик, их детализация, или детализация ценностно-регулятивных систем. Причем, насколько я знаю, детализация наиболее полная. Возможно, есть еще более полные, но эта точно представляется достойной нашего внимания. Речь идет о работе Люка Болтански и Лорана Тевено по поводу справедливости (Болтански, Тевено, 2013), где они говорят об этосах как о «градах» (cities) или как о нормативно регламентированных сферах социальной жизни: рыночный мир, политический, гражданский мир, символический мир, мир вдохновения и т. д. И каждому из этих миров даны очень подробные характеристики. Характеристики базового принципа, то есть некоей ценности: что в каком мире выступает в качестве высшей ценности. Одно дело, что является высшей ценностью в религиозных, другое — что является высшей ценностью в рыночных практиках, в административно-военных и т. д. Кто там является акторами, основными субъектами. Какие достижения могут быть, какие критерии выдвигаются, какие испытания, какие провалы и прочее. Тем самым даны очень подробные характеристики социально-культурных практик с точки зрения развертывания основных ценностей и критериев, правил и норм. Что выступает в качестве объекта в каждой сфере деятельности.

Второй возможный подход — это информационно-целевой анализ Тамары Моисеевны Дридзе, или мотивировочно-целевой анализ текста, как она его еще называла. Этот подход она применила в социолингвopsихосемиотике (Дридзе, 1984), которую потом применила и к анализу города (Градоустройство..., 1998). Речь идет о выявлении в структуре текста порождающих его «целевых цепочек»: что является целью данного текста, какие задачи в этом тексте решаются и какие средства используются. Мы по этой методике анализировали документы — приказы, постановления, законы и т. д. С какими словами, с какими лексемами связана цель порождения этого текста. Это же применимо и к художественным текстам. Требуется кропотливая работа над текстом: поиск

лексем, которые могут быть связаны с некоторым деревом целей, порождающим данный текст. Смысл предстает в качестве такого дерева целей.

Еще один подход — если исходить в этой операционализации из структуры деятельности. В любой деятельности есть цель, желаемый результат. Есть некое правило, норма — каким образом этот желаемый результат или эту ценность можно реализовать. И есть средства, которые используются с помощью данных правил для получения данного желаемого результата. Это абсолютно применимо и к научной деятельности, и к бизнесу, и к искусству, и к чему угодно. Но об этом много говорили раньше.

Показательно, что такой подход соответствует и идее Йохана Галтунга (Galtung, 1977; Алкер, 2014) по поводу метода, когда научная деятельность реализуется в треугольнике теории, факта и ценности. Это же соответствует трем научным нарративам — фактологии, каузальности и цели (практической значимости). И это легко переводится в семантику, а именно: как соответствие цели, желаемому результату; соответствие нормам, как некая реализуемость, алгоритм этих действий; и соответствие реальным средствам (фактологии). А это уже знакомая нам стереометрическая семантика с ее тремя измерениями: описанием, оценкой и нормой (Тульчинский, 2022), — и таким образом структура деятельности легко переводится семантически. Единственное, что тут можно дополнить, — что семантическая структура у автора текста одна, у реципиента она другая, у аудитории — третья. И дальше пошло разветвление, выводящее к Болтански и Тевено.

Возможен в этой связи и еще один подход. Это речевые акты, структура речевого акта, который передает этот текст и является текстом с точки зрения этого концепта. И, таким образом, содержание транслируемого сообщения включает позицию субъекта — во-первых. Позиция субъекта — это репертуар его целей, его намерений. А во-вторых, позицию адресата — это репертуар его возможных реакций. Ситуацию пространства и ситуацию времени: прошлого, настоящего, будущего и так далее. То есть это более развернуто, чем структура деятельности, но проще, чем у Болтански и Тевено.

Поэтому мне кажется, что все упомянутые конкретизации смыслообразующих контекстов — работающие. Но чем больше я на эти темы думал, тем больше я понимал, что все-таки есть еще один метаконтекст, суперконтекст, интегральный интерфейс. Не исключая все эти конкретизации — это более общий заход на смыслопорождение.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на два момента. Во-первых, это роль субъекта, точнее субъектности, которая все это порождает, использует, переходя из контекста в контекст. А во-вторых, роль пробелов между структурными элементами. Роль так называемой пустоты, которая очень важна в смыслообразовании. О роли пустоты («семантического вакуума») писал В.В. Налимов (Налимов, 2007). А.Ф. Лосев в своей философии имени начинает семиозис с «ничто», с меона (Лосев, 1999).

Это связано и с проблемой контекста в смысле ситуативности, потому что в конечном счете и в искусстве, и в политике, и в жизни мы имеем дело с какими-то ситуациями. Всякая ситуация относительно замкнута, и относительность там самодостаточна. Потому что любая ситуативность — это некая незаконченность, неполнота и какая-то открытость для изменений. Иначе она мертва, как любая абстракция. Может быть, даже с элементами противоречивости, потому что все, что претендует на полноту в итоге оказывается противоречивым, как известно хотя бы из Курта Гёделя.

Причудливым образом это связано и с субъектностью. Потому что субъектность — это некая точка сборки какой-то ответственности и свободы. Это, в гуссерлевском смысле, трансцендентальный субъект, который описательно не дан. Все мы, здесь сидящие, являемся носителями трансцендентального субъекта. Он не дан, но без него ни наблюдения, ни описания невозможны. Это что-то вроде слепого пятна в глазу, которое никто не видит, но без него невозможно зрение. Это выход в абсолютный аут по отношению к тому, что наблюдаемо, и к тому, что пишется, то есть выход в абсолютный контекст. Абсолютный контекст — это аут, пустота, ничто. Смысл слова из фразы, смысл фразы из текста, смысл текста из контекста. Для того чтобы выйти в этот контекст, нужно выйти в аут по отношению к этому тексту, в некую позицию вневходимости — так, как ее понимал М. М. Бахтин. Помню, когда на эту тему говорили на одной из школ в Сантьяго-де-Компостела, там сидел нигерийский католический священник. Он слушал все это, слушал и говорит: «Absolute out is God». Он абсолютно прав в этой мудрой мысли.

Только в этой связи тогда надо обозначить две ключевые мировоззренческие установки — катафатическую и апофатическую. Путь европейской мысли катафатичен. Хотя начиналось все с апофатики отцов христианства. Катафатика началась с обогащения городов Северной Италии и Нидерландов, когда стало понятно, что в этой жизни есть некие ценности, которые достойны сохранения и защиты. И тогда пошел: алтари со скульптурами, коллекции живописи и всякие прочие вещи, когда стало понятно, что эта жизнь и ее материальные атрибуты и воплощения имеют свой отдельный смысл. Возникла наука, ориентированная на данную реальность, на позитивное знание. В отличие от восточной линии, которая сохранилась апофатической, и поэтому все то, что в России заимствуется из Европы, превращается в собственную противоположность.

Катафатика — это когда божественная сущность представлена в этом мире. Главный праздник у католиков и у протестантов — это Рождество, когда божественная сущность явилась в этот мир. Апофатика — это когда божественная сущность в этом мире не дана. Главный праздник в ортодоксальном христианстве — Пасха, когда божественная сущность этот мир покинула, дав ему надежду на спасение и воскресение.

И ситуативность, и субъект предполагают выходы в ничто. И в этом плане это связано с нонсенсом, когда отсутствие смысла — это не отрицание смысла, это его факторизация. Это семантический вакуум, в котором любые смыслы, в духе В. В. Налимова, — семантический вакуум,

и субъектность на него воздействует, вызывая из него смыслы. Причем сама субъектность тоже позитивно не дана, апофатична. Трансцендентальный субъект — он же тоже ничто, странная петля Д. Хофштадтера (Hofstadter, 2007), рефлексивная замкнутость В.А. Лефевра (Лефевр, 2003; Lefebvre, 2006). Это в конечном счете ничто, которое из ничто творит нечто.

В перерыве нашего заседания Андрей Александрович Тесля обратил мое внимание на то, что с подобной трактовки ничто начинал также И. Фихте, который в конечном счете на этой основе пришел к некоторым политическим выводам. Думается, что апофатичность в смыслообразовании принципиально важна, потому что любой носитель субъектности выступает как трансцендентальный субъект, он стремится стать иным, другим, выйти за рамки себя, сконструировать что-то или принять другого за нечто. Субъектность, трансцендентальный субъект подобны слепому пятну в глазу, которое само невидимо, но обеспечивает возможность зрения. Субъектности в физическом мире как материальной сущности нет — с точки зрения как Фихте, так и Э. Гуссерля или Д. Хофштадтера. Но ее можно признать и вступить с нею в текстовый диалог. Прямо по М.М. Бахтину — выйдя в позицию венаходимости. Дальше уже начинается плетение смысловой ткани.

Самое любопытное, что европейская мысль ходит по кругу уже в который раз. Начиная с апофатики, приходит к катафатике, а потом начинает очередной цикл апофатики в новом открытии роли пробелов, дифферанса, пустоты. И в этой связи для смыслообразования ключевое значение имеют — тут по-разному можно даже играть, наполняя упомянутыми ранее моделями, — отклонения, перестановки, выходы в другие контексты, которые возможны в случае признания необходимости выхода в контексты и признания ничто, которое ты можешь наполнить.

Еще в середине 1980-х годов я получил результат с помощью Л. Кэрролла, его формализации. Он подтверждает гипотезу Я. Лукасевича о том, каким образом объяснять неполноту силлогистики Аристотеля. А на основе признания роли отрицательных суждений легко получается сужение силлогистики Кэрролла к силлогистике Д. Гильберта и так далее — к силлогистике Аристотеля (Тульчинский, 1996; 2012). Отрицание — это отрицание существования или это допущение существования носителя отрицательного качества. Или это допущение его существования в контексте расширенного универсума рассуждения? Расширение универсума рассуждения предполагает допущение носителей отрицательных качеств.

С.Т. Золян: Какое место в вашей концепции занимает знак и текст?

Г.Л. Тульчинский: Повторюсь в обратном порядке. Фундаментальной и базовой является апофатическая установка — признание и допущение ничто. Без этого допущения ты не можешь даже переходить к смыслообразованию. Для того чтобы перейти к смыслообразованию, нужно вступить в диалог с чем-то, нужно начать текстообразование. Любое текстообразование — это структуризация. Структуризация есть различие, которое предполагает необходимость пробелов и допуще-

ние другого иного. И дальше ты начинаешь включать модели: хоть Т.М. Дридзе, хоть Л. Болтански, хоть еще кого-то. Ты начинаешь работать с этим признанным тобой дополнением твоего универсума рассуждения.

С. Т. Золян: Согласимся: *Другой* существует. Но не нужна ли мне для этого некоторая система наблюдения / описания? Как вы это видите? Вот есть Я, есть Другой, или Я как Другой.

Г. Л. Тульчинский: Другого нет, и вас нет. Я допускаю, признаю ваше существование для того, чтобы вступить в контакт и приступить к какому-то смыслообразованию. В этом роль онтологических допущений (ontological commitments, existential assumptions) о непустоте предметной области рассуждения.

С. Т. Золян: А на основании чего? У вас должна быть какая-то система знаков? Как вы ее строите? Вы начинаете ее строить тоже из пустоты?

Г. Л. Тульчинский: Да. Это то, что показал А. Ф. Лосев: как из ничто ты дальше доходишь хоть до совокупной культуры с ее богатством смыслов и знаков. И все это с помощью допущений и вступления в диалог с «фантомами» своих допущений. Означающие творят означаемое. А инструмент этого – субъектность, обеспечивающая прокреативность преадаптации (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018; Человек как открытая ценность..., 2022), игру с контекстами смыслообразования, без чего до сих пор было невозможно развитие человеческой цивилизации. Главным импульсом этого развития была и остается именно субъектность, упреждающе творящая из ничто вариации нового нечто.

С. Т. Золян: Но если есть означающие, то есть и знаки; означающие существуют только как аспект знака. Так что возможна и противоположная точка зрения. Сошлюсь на Ю. М. Лотмана, который считал, что тексту может предшествовать только текст, сознанию может предшествовать только сознание. Когда вы говорили, у вас текста не было до этого. У вас был субъект, который вступает в коммуникацию, и оттуда рождается текст. По Ю. М. Лотману – сначала текст.

Г. Л. Тульчинский: Тогда вы меня не спросили, откуда берется эта странная петля самосознания самости, откуда берется субъектность. Она возникает в результате социализации как освоения практик, сопровождаемого нарративной коммуникацией, то есть освоения текстов и их рефлексивного самозамыкания, включающего самого актора. Но только к третьему году жизни ребенок начинает рассуждать о себе в первом лице.

М. В. Ильин: Лотман на свой лад – текст из текста – повторяет принцип Франческо Реди, который, видимо, знал от В. И. Вернадского: жизнь из жизни, *vivit e vivo* (Вернадский, 1934, с. 209–210)³.

Г. Л. Тульчинский: Ну да. Тексты (еще точнее – нарративная коммуникация) порождают рефлексивное самосознание самости, способ-

³ Сам Вернадский отмечает: «Впервые введен мною как принцип Реди в 1924 г.: W. Vernadsky. La geochimie. Paris, 1924» (Вернадский, 1994, с. 344).

ное порождать новые тексты. И при этом для того, чтобы что-то получить, нужно что-то убрать (Тульчинский, 2023). Гётевское *stirb und werde* — умри и стань.

4. Прагмасемантика как платформа смыслообразования

С. Т. Золян: Постараемся очертить место прагмасемантики — как платформы образования смыслов и формирования знаков. Можно продолжить сосюрговскую аналогию между языком и шахматами. Сосюр предлагал рассматривать в качестве аналога (или эталона) знаковой системы шахматы; это замкнутая система, в которой актуален исключительно принцип дифференциации и основанные на этом внутренние функции. Значима форма, а не субстанция. Отсюда нерелевантность внешних характеристик. Слона можно заменить пуговицей соответствующего цвета — главное, чтобы ходил так, как слон, а не так, как пешка. Сосюр предлагает описание игры через функции фигур, как это уже предписано знаковой системе, где каждая фигура — это некоторый набор функций. Следующим шагом станет описание системы посредством различий⁴. Но при таком описании теряется описание доски. Между тем система предполагает, что она манифестируется на некоторой доске, то есть играется на некотором обладающем собственными характеристиками пространстве. Дополняющее Сосюра понятие поля как необходимого компонента, в котором манифестируется знаковая система, было введено Михаилом Лотманом (Lotman, 2012). Несколько иную трактовку предложил и С.К. Шаумян: «Совокупность (the totality) релевантных контекстов, изменяющих функцию или значение знака, я называю полем (field) знака. Поле знака определяет иерархию его значений и функций и иерархию речевых (vocal) форм знака» (Shaumyan, 2006, p. xx).

Прагмасемантику можно рассматривать именно как подобное дополнение к Сосюру — между языком и речью существует некоторое поле, которое задает те параметры, согласно которым будет происходить манифестация знаковой системы в речь. Это именно абстрактное пространство, определяемое отличительными параметрами (двумерность, двухцветность, размер 8×8), а не конкретной субстанцией (доска деревянная, бумажная, виртуальная и т. п.).

В развитие этой идеи можно и перевернуть описание: рассматривать поле не как придаток к знаковой системе, а, наоборот, как основной компонент, определяющий правила игры, или как ту среду, из которой формируется игра. И тогда описание знаковой системы получит иное описание: элемент будет определяться не посредством его отличий от других, а как некоторый набор возможных маршрутов и взаи-

⁴ «В применении к единице принцип дифференциации может быть сформулирован так: отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей. В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу» (Сосюр, 1977, с. 154).

модействий. Тем самым мы придем к пониманию значения не только как различия, но и как употребления. Оба описания взаимосвязаны, но не всегда сводятся друг к другу. Например, при втором описании все фигуры будут отличаться не только тем, как они передвигаются, но и где стоят вначале, и тогда все пешки будут отличаться, так как у пешек, допустим, на а2 или на с2 будут различные траектории, различное множество точек, по которым они будут пробегать как функции. Пешки, неразличимые в шахматной коробке, на шахматной доске контекстуализируются и становятся отличными друг от друга.

При переходе к лингвистике и языковой системе возникает другой вопрос. Здесь от партии к партии (речевым актам) могут меняться не только наборы фигур, но и параметры поля (дискурсы) и доски (тексты). Наделение значением и его изменение тогда будет описано как взаимодействие системы и контекста.

Можно привести непосредственные примеры из лексикологии. Любому знаку может быть приписано некоторое множество значений. Есть знаки, которые в качестве референта могут иметь любой объект — например, *эта штука* (ср.: у «Эта штука посильнее, чем “Фауст”» — слова Сталина о поэме Горького «Девушка и смерть»). Согласно выдвинутой Сергеем Карцевским в 1929 году концепции асимметричного дуализма языкового знака, любой языковой знак потенциально обладает бесконечной омонимией (способностью выражать любое значение) и бесконечной синонимией (возможностью быть замененным другим знаком) (Карцевский, 2004; о потенциале концепции в свете современной семиотики см.: Золян, 2023б). Однако следует оговорить, что степень подобной свободы отлична. Своеобразную иллюстрацию к этому можно найти у Льюиса Кэрролла.

В семантической теории Шалтай-Болтай значение слова всецело определяется намерением говорящего: «*Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше*». Но Шалтай оговаривает, что за это слову приходится доплачивать, если он заставляет слово делать нечто необычное⁵. Тем самым вносится разграничение между регулярной «работой» и «сверхурочными». *Доплачивать* — это, видимо, создание особых контекстов.

Продолжим аналогию с шахматами. За исключением пешек и слонов, все остальные фигуры могут оказаться в любой точке шахматной доски. Тем самым им может быть приписано любое значение. Однако есть существенная разница, каким образом они это осуществляют — шаг за шагом, как король, или как ферзь. При этом, задавая правила игры, следует описать не только те точки, где они могут находиться, но и где они необходимо должны находиться, то есть исходные (так будут отличаться между собой, например, ладья на а1 и ладья на h8). Поэто-

⁵ Ср.: «Некоторые слова очень вредные. Ни за что не поддаются! Особенно глаголы! Гонору в них слишком много! Прилагательные попроче — с ними делай, что хочешь. Но глаголы себе на уме! Впрочем, я с ними со всеми справляюсь... Когда одному слову так достается, я всегда плачу ему сверхурочные, — сказал Шалтай-Болтай» (пер. Н. Демуровой).

му, даже если им и может быть приписано одно и то же значение (напр., а4), то в эту точку они могут прийти различными маршрутами. Тем самым в любой партии для каждой фигуры будут заданные системой необходимые исходные значения, и все те точки, которые в соответствии с заданными системой правилами эта фигура прошла или могла пройти.

Таким образом, применительно к конкретной партии каждая фигура характеризуется некоторым исходным значением и всеми теми значениями, которые она приобретала в ходе партии. Безусловно, эти значения приобретаются по-разному. Например, король и ферзь могут оказаться на любой клетке, но маршруты оказываются различными.

Тем самым возможно совместить сосюроевское понимание знака и концепцию позднего Витгенштейна. Это, с одной стороны, внутрисистемное определение значения знака как исключительно дифференциальной сущности, а с другой — понимание значения как детерминированного прагматикой употребления. При таком подходе, когда мы знаковую систему рассматриваем в совокупности с полем, или, в наших терминах, платформой ее манифестации, происходит синтез семантики и прагматики.

Примечательно, что подобные семиотические процессы могут и не предполагать участия мыслящего субъекта. Сошлюсь на статью Дикона, где он рассматривает семиозис на биомолекулярном уровне, отвлекаясь от человеческого фактора. Выясняется, что не интерпретатор, а сам знак несет в себе определенную инструкцию, как его употреблять. При этом, чтобы возникло знаковое отношение, употребление знака требует «правильного» воспроизведения и тем самым обращения к памяти, что предполагает возникновение нормативности (Deacon, 2021, p. 546). Как видите, уже на уровне клеток у нас возникает подобие ценностно-регулятивных систем, и именно потому, что возможны «неудачи», отклонения от образцов⁶.

Г. Л. Тульчинский: А чем отличается инструкция от памяти?

С. Т. Золян: По Хофштадтеру, знак уже является некоторой инструкцией, он как бы говорит: меня употреблять можно так-то и так-то. Это — антипод шалтай-болтайной семантики. Хофштадтер это рассматривает на примере ноты: нота есть не обозначение определенного звука, а инструкция, как надо этот звук воспроизвести.

Г. Л. Тульчинский: Болт помнит, что он болт. Гайка помнит, что она гайка.

М. В. Ильин: Резьба — это одновременно и инструкция, и память. Может быть память без инструкции, а может быть инструкция без памяти. Они могут быть и вместе, даже чаще всего бывают вместе.

С. Т. Золян: Под нотой я (и Хофштадтер) имели в виду нотацию, знак звука. Со словом сложнее: слово несет в себе не столько само зна-

⁶ Ср.: «Было продемонстрировано, что ограничения, конституирующие рекурсивно само-поддерживаемую молекулярную систему, обеспечивают мнемонические, обучающие (instructional) и нормативные атрибуты, которые мы отождествляем с биологической информацией» (Deacon, 2021, p. 549).

чение, сколько информацию, как мы можем его употребить; это скорее лицензия, а не инструкция. Так же и у Лумана — это всякий раз новое слово, но это новое, которое автореферентно и отсылает к предыдущему употреблению (памяти). Например, семантика слова «медведь» может служить схемой для порождения его значений применительно к контексту. Кого мы назовем «медведем»? Это зависит от обстоятельств его использования. Я это говорю незнакомому человеку в метро, или же в ресторане официанту говорю «медведь», борцу или футболисту (возможно, в американском футболе это будет иметь отличные, чем в европейском, коннотации). Или же я кричу это слово в лесу, предупреждая об опасности. В зависимости от этого у нас включаются разные инструкции, причем не только правила соотнесения (референции), но и поведенческие.

Г. Л. Тульчинский: Тогда память определяется нормой?

С. Т. Золян: Безусловно. Само понятие памяти определяется нормой, норма определяет что следует помнить и когда вспоминать. Как прекрасно выразил будущий царь Василий Шуйский в «Борисе Годунове»: «Теперь не время помнить, Советую порой и забывать». Но и норма возникает из памяти — как обобщение некоторых удачных и неудачных практик.

5. Как возникает система — оязыковление, или семиогенез

М. В. Ильин: Сейчас мы поговорим о оязыковлении (*linguaging*), поскольку это как раз связано с той самой подвижностью, с возникновением системы, которой еще нет. И на самом деле ее никогда в полной мере нет, она всегда ускользающая, только становящаяся.

Что такое оязыковление? Это сравнительно новое направление в лингвистике. Лет 20—30, наверное, как происходит мощный научный поворот, а то и революция. Существуют три сферы, где это мощно проявляется: усвоение языковых способностей младенцами, научение иностранному языку и глоттогенез, возникновение общих языковых способностей человеческого рода.

Первым направлением в основном не лингвисты занимаются, а психологи. Но в последнее время и психологи столкнулись с кучей проблем, которые они не могут преодолеть и которые с помощью лингвистики преодолеть легче. Они связаны с другой очень популярной лингвистической концепцией — с концепцией распределенного языка (*distributed language*). В классических подходах считается, что язык это некая система, *langue*. А с точки зрения *distributed language* никакого *langue* нет, а есть некое облако, в котором взаимодействуют люди с разными версиями *langue*. Они изменчивы и зыбки, как и все общее облако распределенного языка.

У младенцев сначала вообще ничего нет, кроме неких физиологических реакций, которые запрограммированы генетически. Но в результате взаимодействия, прежде всего с матерью, но не только с нею, а вообще с окружающим миром, у них появляются зеркальные реакции.

Это очень важно. Я специально хочу подчеркнуть это, поскольку это прямое отношение имеет к интерфейсу. Реакции зеркальные именно в том смысле — и это экспериментально сейчас установлено, — что мать обычно играет, во-первых, свою роль, а во-вторых, имитирует ребенка. Соответственно, ребенок в ответ играет свою роль и имитирует мать. И получаются две имитации. Благодаря связи и закреплению двух имитаций ребенок научается языку. Причем весь этот процесс проходит ряд этапов на протяжении нескольких месяцев. Ребенок преодолевает несколько порогов (*thresholds*). Когда ребенок начинает говорить и мыслить, точно нельзя сказать. Это растянутый процесс.

Что значит говорить? Осмысленное взаимодействие с матерью начинается гораздо раньше. Произносить какие-то фразы получается позже. И только спустя годы, в три года или в девять лет, наконец появляется субъект, который в состоянии пользоваться великим и могучим русским языком или не менее великим французским и так далее. А где-то в середине — множество порогов или каскадов трансформации, или каскадов, связанных с переделыванием коммуникативных забот в способности.

И вот тут я произнес эти слова — коммуникативные заботы переделываются в способности, — это другое направление языкознания. Совершенно блестящую книжку только что издал Николай Сергеевич Розов о глоттогенезе (Розов, 2022). Изложение его концепции также можно найти в: (Розов, 2021). То, как он себе представляет смысл глоттогенеза, очень похоже на обретение языковых способностей младенцами. Опять каскады трансформаций и пороги. Есть некие существа, у которых достаточно развиты всякие способности и т.д., и эти способности позволяют им уже каким-то образом коммуницировать. Но это коммуникация еще «немая», без языка и речи — только с выкриками да подвываниями. Более того, и когниции там, видимо, отчетливой еще нету. Но есть очень сильная потребность в коммуницировании, что связано с их существованием, с выживанием.

Речевые акты сохраняют эволюционные следы подобных событий и процессов. Необязательно эволюционные — любые следы, любая память. Память при этом существует и как отпечаток, и как инструмент. Помните, мы говорили о резьбе как памяти (и результате) ее нарезания и как памяти-инструкции. У нас постоянно происходит разделение и соединение системы и процессов. Оно существует на каждом этапе. Выше мы поднимаемся, ниже опускаемся, вправо, влево — везде происходит раздвоение. И этих раздвоений очень много.

Итак, дальше. Место оязыковления в том, что я называю семиогенезом. Сурен Тигранович называет это семиопозисом. Фактически это почти одно и то же. Это даже и хорошо, что существует такой плюрализм терминологии. Можно это и семиозисом назвать в целом. Потому что если семиозис расширительно понимают, то семиозис не только моментальный может быть, но и, так сказать, такой растянутый на дни, годы и даже века. Моя задача показать, что речевые акты сохраняют эволюционные следы существования речи. Или даже, скорее, еще не речи, а каких-то коммуникативных взаимодействий.

Происходит появление новых способностей. Из одной способности другая. Это как в случае примитивных когнитивных способностей, лежащих в основе органонов-интеграторов. Сначала возникает вычислительная способность. И потом эту вычислительную способность мы можем теоретически увеличить до вычислительной математики, до компьютеров. То есть, грубо говоря, основная способность компьютеров — это примерно способность амебы, но многократно усложненная и изощренная. Уже корни там можно извлекать, логарифмирование осуществлять и т. д.

Другая способность — это когда существо может такие сигналы пачками получить. И работать сразу с пачкой ощущений. Вы сами, наверное, догадываетесь, что получается? У нас получается распознавание образов (*pattern recognition*). Это тоже математически сделано. Сейчас, например, мы можем подойти к двери, нажать на кнопку, на твое лицо упадет лучик от аппарата, и если лицо узнаваемое, то дверь откроется. Вот это — *pattern recognition*. У нас много-много сигналов, но они складываются в некую конфигурацию. Из этого вытекает то, что мы назвали морфетикой, более сложная способность, позволяющая работать с формами и различными конфигурациями.

И третья способность — когда у этих структур и образов появляются развитые функции. Они могут быть релевантными, могут быть нерелевантными. И, соответственно, если они релевантные, то существо хорошо себя чувствует, а если нерелевантные, то плохо. Но в какой-то момент существа становятся такими сложными, что их не устраивает больше релевантность. Эти существа начинают требовать перехода релевантности в другое качество, в качество свойства. И тогда релевантность становится не вообще релевантностью, а релевантностью почему-то, для чего-то. Иными словами релевантность превращается в значимости и значения. Так появляются семиозис и семиотика.

6. Смыслы как структуры операций — на уровне биомолекул

С. Т. Золян: Где возникает смысл и кто его производит: субъект, знак, система, сам смысл? Введенное нами понятие платформы может быть рассмотрено как поле операций, в результате которых возникают отношения, или структуры смысла.

Примечательно, что к этим вопросам вплотную подошли еще в 1970-х выдающиеся биологи, первооткрыватели информационной РНК Франсуа Жакоб и Жак Моно, выдвинувшие гипотезы о происхождении жизни. Моно писал, что жизнь возникает тогда, когда в неупорядоченном хаотическом движении молекул возникает смысл, это он связывал с появлением генетической трансляции, то есть регулярных схем преобразования последовательностей нуклеотидов в операции синтеза белков (Monod, 1971). В дискуссии с Романом Якобсоном и Клодом Леви-Строссом Жакоб указывал, что семиотические аналогии с языком не исчерпываются комбинаторикой, или синтаксисом: тем, что из ограниченного набора минимальных единиц строится бесконечное множе-

ство производных структур. Леви-Стросс пронизательно добавил, что главное не в усложнении структур, а в том, что посредством этого возникает сигнификация, смысловое измерение биомолекулярных процессов⁷ (подробнее см.: Золян, 2021).

Эволюция описывается как взаимодействие организма (системы) и среды. Когда во время взаимодействия протосистемы и среды возникает определенная регулярность, то появляется жизнь, которую мы можем рассматривать как определенную форму смысловой организации. Но это еще не урегулированная форма. Например, возникает белковый синтез, который вначале не закреплен какими-либо регулярными схемами. Далее накладывается система жестких ограничений, причем, по мере развития, все более жестких. Возникает такая не допускающая изменений семантическая система, как генетический код, и такой, воспроизводимый практически без изменений текст, как геном.

Итак, первичным может стать определение смысла как результата, а затем уже и схемы взаимодействия среды и системы. Среда в таком случае принимается как нечто данное. А система? Вот здесь возникает вопрос: откуда она возникает? Система, конечно, каким-то образом формируется из этой среды. Сама среда порождает в себе и некоторую систему, как бы вытаскивая себя за волосы.

Итак, когда мы заменяем среду контекстом, мы смотрим, каким образом в контексте возникают вот эти системы и каким образом там возникает в том числе и такой фактор, как субъектность, которая является результатом сборки. Здесь я бы хотел уточнить. Григорий Львович, вы использовали выражение «субъектность как результат сборки» как метафору?

Г. Л. Тульчинский: Нет, это не метафора. Это результат конкретного процесса социализации.

С. Т. Золян: Возникает интересная и перспективная аналогия с уже упомянутой статьей Т. Дикона, где самосборка (*self-assembly*) рассматривается как первый этап самоорганизации. И первое, что в биосистемах уже несводимо к биохимическому субстрату — это индивидуализация (*individuation*), выделение элемента из среды и различения *себя* (*self*) и *не-себя* (*non-self*) (Deacon, 2021). В соответствии с этой логикой знаковая система обладает возможностью выбирать и способностью ин-

⁷ «Жакоб. В обоих случаях речь идет о единицах, которые сами по себе абсолютно бессмысленны, но, будучи сгруппированными определенным способом, они обретают смысл. Это или смысл слов в языке, или смысл с биологической точки зрения, т.е. для выражения функций, которые записаны в химическом генетическом сообщении... Дело в том, что все звенья, все элементы, составляющие определенную единицу, объединены между собой, и сама единица, например клетка, представляет собой нечто куда большее, нежели сумма всех элементов...»

Леви-Стросс. Дело не просто в том, чтобы получать сложное из простого, как это происходит в таблице Менделеева, которую вы упоминали. Глубокая аналогия между тем, что вы находите в клеточной генетике, и языком состоит в том, что комбинация простых элементов, лишенных сигнификации, дает не только нечто более сложное, но нечто несущее в себе определенный смысл. Я думаю, что аналогия существует в плане сигнификации» (Якобсон, 1996, с. 198, 221).

терпретировать и тем самым *уподобляется интеллектуальному устройству* или даже *интеллектуальной личности*, если использовать слова Ю. М. Лотмана о тексте (Лотман, 1992, с. 131–132).

Это показывает изоморфизм форм смыслообразования в живой природе и обществе. Генетический код — это и есть буквально и инструкция, и механизм сборки. Возникает такой квазисубъект, который осуществляет регуляцию и как бы командует: на этом должна начаться экспрессия гена, а на этом — прекратиться, поскольку «сборка» белка из аминокислот завершена. Посылается определенный сигнал: «Стоп». Причем этот сигнал выражен апофатически — трем так называемым «нонсенсам» (это термин молекулярной генетики), или стоп-кодонам, соответствует «пустота» — им, расположенным на информационной РНК, ничего не соответствует на транспортной РНК. Возникает пауза, процесс «генетического чтения» на этом завершается. И одновременно начинается новый этап — сборки еще одного белка. Помимо этого есть коды, которые регулируют, какие именно гены должны «работать», а какие — «молчать» («молчащие» гены — также термин). Во всех наших клетках заложен один и тот же геном, но в результате взаимодействия с контекстом некий квазисубъект (агент, механизм) определяет, какому гену говорить в данный момент — требуется ли ноготь нарастить или новый белок произвести для внутренней регуляции этих процессов и т. п. В зависимости от среды / контекста необходимо послать сигнал для того, чтобы клетка развивалась, или, наоборот, чтобы деление остановилось. Это очень четкие заложенные механизмы, регулирующие манифестацию системы. В настоящее время, помимо генетического кода, выделено около 237 подобных кодов, память одной подсистемы функционирует как инструкция для другой (см. *Code Biology Database – A List of Biological Codes*). Как правило, как инструкция, так и оператор — это некоторый белок (фермент), при этом и его структура, и инструкции по его применению также записаны в системе (ДНК, геном).

Г. Л. Тульчинский: Клетка — это биология, а в обществе это отклонение субъектности и наличие многообразия субъектности является элементом, необходимым для преадаптации. То есть предваряющим адаптивность, предваряющим изменение среды и создающим ситуацию прокреативности для этой адаптации к изменению среды.

7. Возникновение, превращения, развитие

М. В. Ильин: Хочу предложить вам очень простую модель для выстраивания любых более сложных. Принцип заключается в том, что мы отбрасываем лишнее. Мы занимались и сейчас занимаемся разработкой симплекс-комплекс преобразований. Что это такое? Как преобразовать сложные вещи до самых простых и как самые простые вещи усложнить до самых сложных. И не вещей, не субстанций, а форм мысли. Мы работали с методами, соответственно, с одной стороны, а с другой — с когнитивными способностями. По сути, это одно и то же, но уже усложненное и упрощенное.

Давайте исходить из того, что есть некая точка, от которой все начинается. Это тот самый меон, небытие, из которого вдруг — *Big Bang* — все возникло. Возникновение — это словообразование. Это тот самый субъект, которого нет, но вдруг это ничто становится Богом, у которого в начале было Слово. И вот у нас начинается словообразование из ничего. Возникает точка, когда не было жизни, — и вдруг в какой-то момент где-то появляется жизнь. Вот два таких крутых перехода, когда вся сложность, которая была до этого, вдруг начинается заново с нуля, с предельной простоты. Мой примитив заключается в том, что у нас есть рекурсия — повторение, копирование — это рекурсии с перекруткой. То есть, когда это повторение не дурное. Оно прерывается и замыкается.

Объясню, почему нужна инверсия. Если ты будешь просто повторять, то у тебя будет дурное повторение. Оно уйдет в дурную бесконечность, в ничто. Из ничего не выйдет ничего, по Лиру. *Nothing will come of nothing*. Только в том случае, если ты его развернешь в нечто иное, что-то может получиться... Возникают подобию, а это не просто повторения, а создания чего нового. Расширяющиеся пространства подобию обретают конфигурации, а с нею формы. Формы тоже воспроизводятся внутри и вовне. Вильгельм Гумбольдт вводит понятие внутренней формы, которая предполагала существование внешней формы (Humboldt, 1968; Гумбольдт, 2019). Структуралист Луи Ельмслев различал два типа форм — план содержания и план выражения (Hjelmslev, 1993; Ельмслев, 1960).

Еще один пример — Якоб фон Икскюль. У него различаются внешний мир (*Umwelt*) организма и его внутренний мир (*Innenwelt*) (Uexküll, 1909). У каждого живого существа есть *Umwelt*, но это не просто внешний мир со внешней средой, а это то, — и вот мы здесь приходим к семиотике, — это то, что для животного значимо, функционально, используемо. У Икскюля есть классический пример — клещ на ветке, может так год сидеть, два. Но в тот момент, когда появляются изменения от тепла, появляется запах какой-то кислоты, он прыг — и начинает кровь сосать. Для него вся вселенная, вот эта *Innenwelt*, — это у него три или четыре простых показателя, которые он регистрирует. Он ничего не видит, этот наблюдатель, только ощущает. А потом окажется, что эти наблюдатели умножаются, причем бесконечно умножается. Мы с вами тоже умножаемся, мы наблюдатели, но мы непостоянные наблюдатели. Через 30 секунд я уже буду другим наблюдателем и т.д. Я буду не просто другим наблюдателем. Тот наблюдатель, которым был я 30 секунд назад, и тот наблюдатель, который я сейчас, — это несколько разных наблюдателей. Я постоянно умножаюсь, бесконечно. Когда у нас эти повторения окажутся в некоем резонансе, то этот резонанс может завершиться тем, что эти повторения станут все более и более повторяемыми и регулярными. Когда появляется эта регулярность, то к рекурсии добавляется инверсия. Тем самым инверсия фиксирует факт регулярности.

Что это означает? Сильно похожие друг на друга рекурсии начинают действовать согласованно, с сходными поворотами. Рекурсия все время появляется, но как только у нас появилась инверсия, она закрепляется в паре с инверсией, а потом и умножается. Раз они начинают самовоспроизводиться устойчиво и вместе, значит они создают сообщество, а потом и сообщества как намек на социальность, ее зародыш. Не может быть такого единичного субъекта, который бы все сотворил только из себя. Это мы можем, объясняя что-то постфактум, придумать, будто был уникальный момент, когда Бог сказал Слово. Мы можем такую картинку нарисовать. На деле один сделал, другой повторил, третий добавил, а четвертый запомнил. Было много-много повторений, из которых вдруг совместно, «социально» возникают устойчивые формы. Сначала эмергентность, а потом из нее вырастает формообразование.

А давайте вообразим, что осей может быть бесконечное число. Тогда что же и как умножается? Мой ответ очень простой. У нас появляются сети и субъекты. Раз все социально, то у нас нет точек, а есть сети со множеством точек-субъектов. И эти сети также воспроизводятся. То есть у нас происходит такая же рекурсия с инверсией сетей, и дальше умножаются все новые сети. Биосемиотика как раз и предполагает существование такого множества альтернатив. И она предполагает существование интерпретаций этих альтернатив. Другое дело, что сами семиотики зачастую еще не умеют это адекватно интерпретировать.

У Терренса Дикона все возникает из отсутствия, из *absence*. Он в своей книге (Deacon, 2011) вводит понятие интенциональности (*intentionality*) и энтенциональности (*ententionality*). Интенциональность — это когда мы на развитие смотрим с конечной точки, а энтенциональность — это когда мы смотрим с начальной точки. Отсутствие чего-то предполагает, что это должно быть заполнено. И заполнено не случайно, а тем, что требуется, что у-местно, и свое-временно.

Г. Л. Тульчинский: И еще один момент: эта сеть все-таки плетется и дальше фрактализуется — при наличии носителя этой точки.

М. В. Ильин: Эти точки тоже воспроизводятся, сеть — это только образ. Нам только кажется, что эта точка сохраняется. Она не сохраняется, она все время новая. Я говорил, что я через 15 секунд уже не я, а уже несколько своих копий. Уже меня прежнего актуально нет. Только следы. Только память.

Г. Л. Тульчинский: Происходит некое отрицание.

М. В. Ильин: И появление многих копий.

Г. Л. Тульчинский: И сеть рвется.

М. В. Ильин: Да, рвется, но тут же снова формируется со следами свершившегося. О памяти я не договорил. Что такое память? Память у нас сначала очень примитивная, она связана с повторением. Возможность повторить, возможность редуцировать — это и есть память, точнее примитив, на основе которого выстраивается крайне сложное явление темпорально расширяющейся памяти. Оно позволяет нам работать с альтернативами, в сослагательном наклонении и т. п.

8. От субъекта как индивида — к субъекту как системе операций

С. Т. Золян: Как видим, первичный этап при порождении смысла как в биосфере, так и в обществе — это выделение индивида (агента, субъекта). Второй характеристикой Дикон называет автономизацию, что мы хотим увязать также и с возникновением дискретных объектов. В самой клетке, как и в звучащей речи, нет дискретных элементов, но они есть и условие, и продукт происходящих операций. Внесение в среду / контекст дискретности — это когда компоненты выделяются внутри среды и из среды (хотя бы виртуально, как схема операций), отделяются от субстрата и становятся элементами системы. Здесь очень важна как раз роль пробелов и границ. Пробелы — это то, что освобождается от этого хаотического взаимодействия и дает возможность для возникновения осмысленного. Наличие пробелов — это и введение дискретности, и установление границ.

Процессинг и памяти, и контекстуализации осуществляется посредством двух базовых операций — инверсии и рекурсии. И это хорошо согласуется с семиотикой смыслообразования, поскольку непосредственно соотносится с хорошо известными характеристиками знака и, в частности, языкового знака. При этом семиотика демонстрирует, что собственно рекурсии и инверсии как отдельных и раздельных механизмов быть не может. Применительно к знаку и смыслу они взаимопереплетены. В этом мы можем опереться на сочетание уже упомянутой концепции асимметричного дуализма знака Сергея Карцевского и идей Никласа Лумана. От Лумана следует заимствовать понимание смысла как результата операций, которые возникают здесь и сейчас, вне этих операций он не существует. Но у Лумана помимо смысла как операции есть и обращение к памяти — как к некоторому языковому (системному) значению, которое выступает эталоном или доступом к предыдущим операциям. Для всех этих операций должен быть некоторый прецедент, обеспечивающий преемственность употреблений и значений: «Память конструирует структуры лишь с целью одномоментного использования для подтверждения выборочности и ограничения присоединительной способности» (Луман, 2004, с. 46). Подобное распознавание и различение предполагает систему само- и иноописаний. Язык можно рассматривать как самонаблюдающую систему. Систему наблюдения вовсе не обязательно связывать с человеческими когнитивными способностями или внешним по отношению к системе наделенным сознанием субъектом, поскольку сама система также предполагает механизмы самоописания.

В дополнение к этому из концепции асимметрии знака Карцевского следует, что чистой рекурсии в языке быть не может. Например, попытаемся повторить знак «А». Если это знак, то тем самым мы имеем не повтор отдельного элемента «А», а репрезентацию некоторой двусторонней сущности — означаемого и означающего. Невозможно одно и то же «А» произнести дважды, особенно если учесть и неизбежное при

этом изменение контекста. Их различие и различение есть фактор смыслоформирования. Отсутствие различия и различения лишает подобное воспроизведение «А» какого-либо смысла, преобразует его из знака в несемантизированный звук. Поэтому Карцевский вводит понятие траспозиции — при всяком употреблении происходит перемещение, траспозиция по оси либо означающих (омонимия), либо означаемых (синонимия).

Мысль Лумана подтверждают данные нейрофизиологии: о том, что извлечение знака (или образа) из памяти каждый раз предполагает обращение к новому, трансформированному знаку. Когда мы извлекаем нечто из памяти, оно оказывается измененным по сравнению с предыдущим воспроизведением. Но, как выясняется, это не совсем так: существуют рутинные операции, когда извлечение из памяти осуществляется автоматически. Чтобы получилось отличное, должен наличествовать момент шока, стресса, удивления и т. п., или, используя уже прижившиеся термины, остранения или деконструкции: «Произнося “солнце”, мы совершаем как бы огромное путешествие, к которому настолько привыкли, что едем во сне. Поэзия тем и отличается от автоматической речи, что будит нас и встряхивает на середине слова» (Мандельштам, 1987, с. 118).

При рутинных операциях, не приводящих к смыслоизменению, память не перестраивается. Так, объясняя природу остранения, Виктор Шкловский цитировал Л. Н. Толстого — как тот не мог вспомнить, протирал он пыль или нет⁸. Подобного рода рутинные операции не приводят к перестройке системы, но они бессмысленны. Иное дело — механизмы, предполагающие оперирование знаками. Если некоторый знак повторяется, то повторяется либо его означающее, либо означаемое, и уже в данном случае возникают определенные механизмы инверсии и рекурсии. Они действуют следующим образом. Рекурсия оказывается повторением, например означающего, и тем самым образуется знак с новым смыслом, но который через несколько шагов может вернуться в исходное состояние. Возникает семиотическая петля, и, например, омонимы превращаются в омонимы, а омонимы — в омонимы, но только уже не лингвистические, а социальные. Несколько более сложны по количеству шагов, но достаточно прозрачны с точки зрения репрезентации предполагаемого смысла такие операции, в которых подразумеваемое означаемое выражается посредством означающего другого знака (ср. с эвфемизмами типа «Чудак» на букву «М»;

⁸ «Я обтирал пыль в комнате, и, обойдя кругом, подошел к дивану и не мог вспомнить, обтирал ли я его или нет. Так как движения эти привычны и бессознательны, я не мог и чувствовал, что это уже невозможно вспомнить. Так что, если я обтирал и забыл это, т. е. действовал бессознательно, то это все равно, как не было. Если бы кто сознательный видел, то можно бы восстановить. Если же никто не видал или видел, но бессознательно; если целая жизнь многих пройдет бессознательно, то эта жизнь как бы не была» (запись из дневника Льва Толстого от 1 марта 1897 года. Никольское).

«Нет воoble» и т. п.). Тем самым этот знак-эвфемизм функционирует как комплекс из двух означаемых. Так возникает образ рыбы как символа Христа («Ихтис», ΙΧΘΥΣ читается как аббревиатура выражения Ἰησοῦς Χριστός, Θεοῦ Υἱός, Σωτήρ (Иисус Христос Божий Сын Спаситель).

В самом общем виде система подобных операций может быть представлена следующим образом. Ранее мы пришли к выводу, что прагматика как интерфейс будет постоянно делиться и воспроизводиться, как бы само-выделяя новые интерфейсы. Интерфейсы становятся системой, системы — новым интерфейсом. Система как бы выбирает контекст, вбирает в себя и отражает его в других промежуточных операциях. Но то же самое можно сказать и о контекстах, это есть некоторое отражение общей системы, как бы зеркало зеркала. Как и зеркало троллей в «Снежной королеве», даже разбитое на множество осколков, оно продолжает воспроизводить свою целостность. Так внутри системы-интерфейса возникают некоторые промежуточные пары: язык-дискурс, дискурс-текст, текст-контекст, и каждый из членов этих пар также может расщепляться. Однако следует предусмотреть, чтобы этот процесс мог завершиться, Ахиллес должен догнать черепаху. Анализируемые мною примеры⁹ показывают, что происходит замыкание, обратное движение к исходному знаку, то есть реализация именно странной петли Хофштадтера, спираль уже не тянется вверх, а срывается вниз: «Самый конец наступает нечаянно и звучит как начало» (Мандельштам, 1987, с. 118).

Семантические операции могут принимать различные формы, но в целом это две базовые — рекурсия и инверсия. Предыдущая репрезентация знака становится означаемым для другой, как проспективной, так и ретроспективной. Знак как бы помнит свои предшествующие состояния и предсказывает последующие. Это не только возвращение, но и движение как бы вниз — к изначально данным знакам-значениям в системе. Разумеется, они оказываются трансформированы отражениями порожденных репрезентаций. При этом в процессе порождения новых знаков и смыслов должно быть нечто, за что можно зацепиться: это либо означаемое, в измененном контексте лишившееся прежнего значения и готовое принять новое, либо находящееся в том же состоянии означаемое. Вновь сошлюсь на наш анализ текстов-высказываний: получаемые интерпретации можно рассматривать как результат взаимодействия системы и контекста. При этом роль субъектности здесь оказывается практически минимальна, поскольку система, входя в контекст, порождает (исчисляет) все новые трансформации, которые в большинстве случаев также основываются на инверсии и рекурсии.

⁹ Подробно операции рекурсии и инверсии, приводящие к трансформации означаемых и означаемых и одновременной актуализации нескольких интерпретаций, на примере описания слогана Омон(и(мы)) — Антонимы охарактеризованы в: (Золян, 2023а). См. также об использовании имени французского фантаста Ива Гондона в украинском политическом дискурсе (Золян, 2022а), об окказиональном именовании «змеями» таксистов калининградской фирмы «Кобра» (Золян, 2023в).

Возвращаясь к проблемам памяти, можно дополнить вышеприведенную мысль Лумана. Чтобы произошел рефрейминг, переформулировка, переосмысление и т. п., необходимо создать особые условия, особые контексты. Если их нет, то никакие семантические осложнения не возникнут.

Асимметрия языкового знака приводит к такому явлению, как аттракция. Фонетическая аттракция — это паронимия, когда мы на основе одного означающего переходим к другому и на этой основе мы либо сознательно, либо ошибаясь, смешиваем или сопологаем означаемые. На этом основании В. П. Григорьев развивал теорию паронимической аттракции (Григорьев, 1977). Фонетика оказывается как бы якорем для всех этих семантических транспозиций¹⁰. Точно так же можно рассматривать и семантическую аттракцию, когда несколько значений как бы повисают на одном означающем (Золян, 2022б). Но чтобы эта конструкция не разрушилась, как выясняется, нужны еще дополнительные условия. Для их описания, в частности, можно ввести понятие семантической устойчивости (Золян, 1991). В механике существуют уравнения, допускающие бесконечное множество решений. Так, колебания маятника могут быть описаны через уравнения, имеющие бесконечное количество решений. Однако можно проигнорировать это множество и задать некоторые предельные точки: это точки максимума амплитуды и состояния покоя. Применительно к семантике знака в различающихся контекстах это значит: невозможно (да и необязательно) фиксировать все изменения смысла, как, например, в случае так называемой неоднозначности, или широкозначности (*vagueness*); но достаточно зафиксировать некоторые точки устойчивости, вокруг которых группируются остальные значения и при которых эта система не распадается. В качестве примера можно привести различие между многозначностью и омонимией. При многозначности различные значения знака выступают как точки устойчивости, описание которых задает семантику знака; при омонимии такие точки отсутствуют и различные негармонизированные значения характеризуют отличные друг от друга знаки^{11, 12}.

¹⁰ Ср. в «Разговоре о Данте»: «Семантические циклы дантовских песней построены таким образом, что начинается, примерно, — “мед”, а кончается — “медь”; начинается — “лай”, а кончается — “лед”» (Мандельштам, 1987, с. 118).

¹¹ Ср. «В банке поменяли полы и сменили дирекцию» — различные значения слова «банк» (банк как помещение, банк как учреждение) в данном случае не различаются. Между тем в предложении «Храните деньги в банке, но не в банке» банк-финансовый-институт, и банка-стеклянная-домашняя-тара не могут быть совмещены и в приведенных контекстах оказываются взаимозаменяемыми. Поэтому эти предложения имеют двоякое прочтение — то ли призывают хранить деньги в предназначенных для этого финансовых институтах, то ли выражают недоверие к этим институтам, почему и наиболее надежным считают хранение дома.

¹² В предложенном выше мы следуем разграничению, предложенному С. К. Шаумяном: «Если различия между значениями слова зависят исключительно от различий между контекстами, то значения представляют собой варианты одно-

9. «Память, время и смыслообразование» — как это видится изнутри системы

А. А. Тесля: Я начну с несколько простой фиксации, где нам важны И. Фихте и Н. Луман. С концептуальной точки зрения это даже интуитивно понятно: есть граница, есть переход границы, есть связанные с этим смыслы. Проблемы возникают тогда, когда мы говорим о смысле изнутри системы. То есть в случае закрытой системы, о смысловом различии и смыслообразовании для нее, а не для внешнего наблюдателя.

На совсем базовом ходе, чтобы не тратить время, речь пойдет только о социальных и психических системах, используя лумановское различие. Здесь мы их рассмотрим в той или иной степени как замкнутые системы. Разумеется, нельзя упускать второй важный момент — вопрос, как мы можем определить смысл по отношению к этим системам. Еще раз — уходя от психологизации, рассматривая «смысл» вне психологических категорий. Таким образом, у нас фактически фиксируются два состояния (см. ниже). Кстати, это важный момент, здесь разграничение проблемы соотношения знака и смысла в том, что у не у всякого знака будет смысл.

Итак, первый простой вариант: система, сводимая к какому-то конечному числу вариантов / состояний, конечному для нее самой (что выводит на передний план эпистемологическую проблему). Здесь мы почти сразу можем начать с темпоральности, а потом мы снова к ней вернемся. Начнем со времени. Если речь идет о социальных и психических системах, — я опять же напомню, в рамках логики, идущей от специальной теории относительности, — то время мы рассмотрим как синхронизацию. Следовательно, у нас больше нет абсолютного времени, у нас есть, например, время системы.

Итак, на первом ходе (вариант 1), если система является для самой себя исчислимой при каждом конкретном действии, то ей не нужна память. Она находится исключительно в состоянии актуальности, а раз она находится в состоянии актуальности, то у нее нет памяти и у нее нет времени. В этом смысле она для себя постоянно прозрачна. Раз она неизменно прозрачна, то у нас не возникает удвоение, у нас не возникает различие и, соответственно, в этом состоянии актуальности у нас нет смысла. Это ключевой момент.

го и того же значения; если же эти различия не зависят от контекста, то они являются альтернативными значениями слова-омонима» (Shaumyan, 2006, p. 72). Тем самым при полисемии значение оказывается функцией от контекста, при омонимии — контекст есть функция от того или иного значения знака. Слабое место определения С. К. Шаумяна в том, что в случае омонимии оно допускает актуализацию не зависящего от контекста значения. Между тем ср.: *В банке клерков, как пауков [в банке]* — оба омонимичных значения отчетливо различаются и не могут заменять друг друга, а второй омоним может быть опущен, но легко восстанавливается именно благодаря контексту, отсылая к идиоме «пауки в банке».

А когда у нас возникает смысл? В ситуации, когда система оказывается непрозрачной для самой себя. Акцентирую: в ситуации, когда ничто не прозрачно, для *внешнего* наблюдателя нет вопроса, здесь же вопрос о смысле изнутри (о смысле системы и / или чего-то в системе для самой системы). Эта непрозрачность для самой себя, неисчислимость — отсюда что у нас возникает? Как возможно действовать? Возможность действия в ситуации неисчислимости — это память.

Чем является память как инструмент действия? Память — это отождествление того, что не является тождественным. Это ключевой момент: то, что запомнено, по определению не является тем, что было здесь и сейчас. Но между условным «А» и условным «Б» осуществляется операция приравнивания, они признаны тождественными. Соответственно, система в этой ситуации действует так же, как она действовала в предыдущий раз, исходя из какой-то логики, из того, что эта ситуация является такой же, как предыдущие.

Тут возникают два очень важных момента. Первый момент: здесь происходит одним актом отождествление и растождествление. Это ключевое. Операция отождествления и растождествления — это одна операция.

Второй момент: здесь возникает время, что важно, потому что как только у нас появилась память — обратите внимание, здесь у нас очень такой прустовский ход, — время возникает из памяти. Как только у нас возникла память, у нас возникло отождествление и растождествление как единый акт, у нас возникло два состояния как минимум — актуальное и неактуальное. Помимо актуальности появилось *что-то другое*. То, как производится это что-то другое, как осуществляется отождествление, отождествление с чем именно, — собственно и является операциями производства временем.

Смысл здесь тем самым выстраивается как парадокс. Ключевой момент: до тех пор пока у нас есть простая данность, смысл не возникает. Смысл — это операция парадокса. Парадоксального отождествления нетождественного.

М. В. Ильин: Или воспоминание.

А. А. Тесля: Да, совершенно верно. Воспоминание, опять же, является чем? Парадоксальным моментом. Например, явление того же самого я: я вспоминаю о прошлом, я являлся *таким*. Здесь парадоксальный факт. Тут мы напрямую уходим к П. Рикёру: я сам как *другой* со всеми окрестностями (Рикёр, 2008). Понятно, что любая операция воспоминания является операцией дифференса (различения), что важно.

Теперь у нас операции смыслов. Операция смыслов являются трехходовкой. У нас есть память, у нас есть производство времени изнутри системы и есть смысл, который сам изначально является одной операцией отождествления-растождествления. Что мы здесь решаем? Мы здесь решаем практически по-фихтевски. Мы решаем изнутри системы, а не через взаимодействия. Изнутри системы мы постоянно получаем порождение новых смыслов. В этом плане растождествление — ситуация движения. Как только мы получили время, мы получили не просто какой-то смысл, мы получили машину смыслопорождения. Это ключевой момент.

Теперь следующий момент, здесь уже будет сильное усложнение. Это то, что меня интересует. Мы получили время, но, как я уже сказал, мы получили время, которое производится системой. Время здесь производимое. Следовательно, у нас получается, что есть режимы производства времени. Это достаточно очевидный ход. Разные системы, в том числе разные социальные системы, производят время по-разному. Но, ключевой момент, они не просто производят время по-разному. Они производят разное время. Следовательно, раз они производят разное время, то тем самым мы получаем в этой логике разные режимы смыслопорождения.

И поскольку время здесь обуславливает, то тем самым режимы смыслопорождения оказываются не разными режимами производства смысла, а, если позволительно выстроить такую языковую конструкцию, разными режимами производства смысла «смысла» (что на следующем ходе ставит проблему соотносимости «смыслов») и возможность объединять их в единое понятие именно через процесс, через то, каким образом производится нечто. Что есть смысл? У нас здесь на ближайшем ходе можно сравнить с фукольдиданским ходом, с разными эпистемическими порядками, с разными эпистемами. В этом плане получается, что «смысл-1», «смысл-2», «смысл-3» — они не являются просто разными смыслами. Если брать по фукольдиданский пример, то здесь у нас меняются не разные понимания истины в истории, у нас меняется сама истинность, она оказывается исторична. Следовательно, вот здесь, на уровне только что обрисованной схемы, определяющей смысл через память, время и отождествление / растождествление, мы можем увидеть, что историчным тем самым оказывается смысл.

Еще раз обращаю внимание, что речь идет о наблюдении изнутри системы. Ситуация с внешним ходом — она очевидна. Ситуация в рамках, что происходит в самой системе и почему система сама по себе способна создавать новые смыслы, — вот здесь через изначальное делёзовское понимание смысла как парадокса, что смысл возникает именно там, где перед нами нечто парадоксальное. И смысл сохраняет в себе эту парадоксальность. Он не является снятием парадокса в рамках аристотелевской логики, он не является снятия даже в рамках гегелевской. Смысл сам по себе есть парадокс — ход, лежащий в основании как ранних «Наукоучений» Фихте, так и его пути к поздним, берлинским и кёнигсбергским «Наукоучениям».

М. В. Ильин: *Парадоксальничание*, процесс. Поскольку система — это не система точечная, поскольку это социальная система, то у нее много времен и много парадоксов. Вот это воспроизводство парадоксов множественно.

А. А. Тесля: Это ключевой момент, совершенно верно. Но что делает ее единой системы реальной? Если мы вернемся к Н. Луману (Луман, 2004, гл. 2).

М. В. Ильин: Отождествление возможно.

А. А. Тесля: Да, и тем самым мы возвращаемся к Эйнштейну, мы возвращаемся к тому, что делает систему реальной, — это возможность

синхронизации. Более того, мы можем обратным ходом спросить, а является ли это единой системой? Если она способна осуществлять внутреннюю синхронизацию времени, значит, она является реальной системой. Если нет, то перед нами несколько систем взаимодействующих.

М. В. Ильин: Еще буквально одна фраза. С точки зрения феноменологического подхода у нас только один феномен здесь, феномен с *-ing*. У нас происходит оязыковление, осмысление, у нас происходит *linguaging, thinking, extending* и так далее. Вот что происходит. Вот в этом смысле нет языка, есть только некие условные моменты в процессе *linguaging*, которые могут стать своего рода «точкой отсчета», моментом как интенционального, так и энтенционального формирования. Но таких точек-языков бесконечное число.

А. А. Тесля: Но, переходя в практическую плоскость, ключевой момент, что тем самым мы получаем возможность артикуляции конкретного вопроса в связи с вопросом об устройстве времени, вопроса о конкретном устройстве смыслопорождения. Мы можем конкретно спрашивать о режиме смыслопорождения. Причем не просто спрашивать о режимах смыслопорождения в вакууме, а через соотнесенность с режимами производства времени.

Г. Л. Тульчинский: У нас есть кого спросить?

М. В. Ильин: Это мы, точнее — те, кто берет на себя смелость сказать — это мы.

Г. Л. Тульчинский: Главным условием является наличие некой противоречивой системы, претендующей на полноту. Любая система, претендующая на полноту, оказывается противоречивой. Это может быть личность, это может быть социум. Для того чтобы и дальше каким-то образом реагировать, в силу своей неполноты и противоречивости вырабатывается память. Начинает строиться какая-то наррация. Личная история — личная память. Либо память какого-то социума.

Как только возникает некоторая память, возникают время и механизмы смыслопорождения, в том числе с помощью наррации. Для того чтобы каким-то образом консолидироваться, нужно выстроить личность, нужно преодолеть шизофрению. Или социуму для того, чтобы каким-то образом консолидироваться, нужно выстроить целостную память. Тогда мне нужно заниматься скрепами, выстраивать программу, выстраивать единую смысловую картину мира, для того чтобы этот социум консолидировался. Если же мы имеем дело с развивающейся системой, она должна сохранить возможности различных смысловых картин мира. В той логике, которая прозвучала, личности с социумом не заинтересованы в преадаптации и прокреации, они заинтересованы в консолидации, в памяти. По крайней мере пока так прозвучало.

А. А. Тесля: На первом ходе у нас всего лишь есть непрозрачность системы, ее неисчислимость. Обратите внимание, что неисчислимость не является противоречием. Это главный момент. Неисчислимость сама по себе не противоречие, неисчислимость сама по себе не парадокс. Непрозрачность в данном случае — это у меня практически полный синоним неисчислимости. Другими словами, непрозрачность — это всего лишь то, что в актуальном времени... Простой пример, здесь у

нас фактически получается, что система — неважно каким образом, неважно за счет чего, это глубоко безразлично, — не может просчитать действия в конкретном моменте времени, в конкретной ситуации.

М. В. Ильин: Можно мне сказать мое словечко? Мое словечко называется *целое*, или *целостность*. Мы смотрим на этот разлетающийся феномен: этот разлетающийся феномен — это целое, но это целое не завершено, и поэтому оно не целое уже, и не целое еще. Следующим шагом оно перестает быть целым — и в этом смысле никакого парадокса нет, а есть ровно то, что ожидается. Наша моментальная целостность нецелая. Но будет еще целее со следующим нашим шагом. Наше нынешнее можно исчислить, но это будет уже *завтрашняя*, *вчерашняя*, как вычислите. Это уже будет иное состояние. Исчислимость все время убегают. Целостность все время убегают. Вот парадокс.

Г. Л. Тульчинский: Интенциональность изначальна. В том числе и в неживой природе (об этом писал в свое время Б. Спиноза, в наши дни — Д. Деннет). Любая возникшая система — Солнечная система, галактика какая-нибудь еще, хоть камень, — любая система стремится к сохранению целостности, но свою целостность, и это уже зародыш интенциональности, она может сохранить только в результате какого-то обмена с внешней средой. Потому что изначальна при всей своей целостности она неполна. Для этого нужен обмен веществ, обмен структур, всяческий обмен со средой. Живой организм — еще более явно. Наделенный сознанием — еще более явно.

А. А. Тесля: Я про то, что это само по себе не представляет проблемы. Если мы включаем обмен с внешним миром, тогда в чем засада-то?

Г. Л. Тульчинский: Бесконечное не актуально, а потенциально осуществимо. Это не я, это А. Гейтинг.

С. Т. Золян: Я хочу к примитивам вернуться. У нас появляется смысл, когда есть дифференциация. Могу ли я понять так, что время можно отождествить с какими-то операциями?

А. А. Тесля: Естественно, время — это всегда операция.

С. Т. Золян: Это легко переводится в семиотику, у нас появляется знаковое отношение. Если мы нечто разграничиваем, то это нечто отсылает к себе, как к своей памяти, и это становится знаком. Представьте, что я звук «А» произнес, и он стал загогулиной на доске обозначением звука «А».

А. А. Тесля: Да, разумеется, но у нас это возникает, если брать пример У. Эко, во втором типе знаковых систем. То есть ни о каком смысле мы не говорим, когда у нас есть простое различие А и Б. Например, лампочка горит — лампочка не горит. Здесь у нас смысла не возникает. Смысл у нас возникает как минимум во второй знаковой системе, там, где у нас появилась область бессмысленных значений. Как только появилась область бессмысленных значений — всё, тут смысл, тут возможность парадокса. В этом плане получается, что, разумеется, почти во всех знаковых системах, с которыми мы имеем дело, есть смысл. Но чисто теоретически мы можем представить себе знаковую систему первого уровня, где у нас нет смысла вот в том плане, о котором я говорил.

С. Т. Золян: Я бы сказал так, что у нас всё есть, но просто мы можем различать, а можем не различать. Мы можем не различать, горит лампочка или нет, а можем различать, горит ли она вполнакала и т. д.

А. А. Тесля: Нет, мы тогда это делаем за счет своей знаковости, но для нее самой по себе этого различения не будет. Если у нас ноль-один, внутри мы неразличимы.

Г. Л. Тульчинский: Он же говорит, что изнутри системы.

С. Т. Золян: Если изнутри, то тогда система будет воспроизводить эти «А».

А. А. Тесля: В том-то и дело. Тут вопрос, когда изнутри системы возникает смысл.

Г. Л. Тульчинский: Возникает с памятью вместе.

С. Т. Золян: Да, внутри системы не возникает, но если эта система создает для себя какую-то ситуацию самоописания, тогда это возможно.

А. А. Тесля: Если речь идет изнутри системы, то основные вопросы хорошо как раз в немецкой классике проработаны — это Гегель, Фихте. Вот эта линия — это история про дедукцию категорий. Основная задача заключается в том, что извне, как Фихте говорит, не работает. Нужно объяснить внутренние процессы через различение, поскольку, если мы принимаем принцип единства реального, единого основания, то тогда само различение и смыслы должны возникать не через сопоставление с чем-то внеположенным, а из единства (того, что у Фихте будет обозначаться как изначальное «Я» или «Абсолютное Я»: см., в частности: (Гайденко, 1979)).

Г. Л. Тульчинский: А потом на эту апофатику приходит К. Маркс и переворачивает все с головы на ноги. А на самом деле он из апофатики делает предельную катафатику.

А. А. Тесля: И Фихте буквально в 1806—1807 годах прямо проговаривает, чем он занимается, какова его методологическая философская программа — нигилизм. Его же Ф. Якоби сначала нигилистом обзывает, вводя это слово, а Фихте говорит, что это методологический принцип. Основная проблема, как у тебя базовые различения возникают.

М. В. Ильин: И Терренс Дикон — нигилист, он тоже начинает всё с отсутствия. Для того чтобы получить смысл, нужно иметь бессмыслицу! Вот то, о чем Андрей Александрович говорил. Для того чтобы получить смысл, нужна бессмысленность. Конечно, я и не говорю, что только это одно. Нужно много чего, еще и целая процедура их соединения и переходов. Например, ты намеренно теряешь смысл для того, чтобы его произвести. Вариантов много.

10. В попытке заключить: прагмасемантика как субъект семиозиса и семиозис субъекта

С. Т. Золян: Попытаемся совершить рекурсивную петлю и напомнить, что было нашей задачей: это попытка уяснить, какие взаимointерпретирующие механизмы обеспечивают интерфейс между текстом

и контекстом (языком и миром, языком и культурой, языком и социумом). Мы убедились, что это многоуровневая и связанная отношениями инверсии и рекурсии система систем-интерфейсов, названная нами прагмасемантикой. Она выступает и как платформа-интерфейс соотношения / преобразования внутрисистемных смысловых единиц и экстралингвистических объектов на множестве возможных миров, о чем было сказано в начале дискуссии. Но, обсуждая различные аспекты, мы вышли на новую проблематику: это платформа наделена аутопойэтическим потенциалом порождать новые операциональные системы-интерфейсы, а также текстуализованные структуры операций и интерпретаций (инструкции, память, рефрейминг). Порождение значения выступает как результат взаимодействия платформы-как-системы с платформой-как-контекстом, учитывая возможность того, что одна порождает и детерминирует операциональный потенциал другой, действуя как рекурсивная петля или лента Мёбиуса.

Г. Л. Тульчинский: За что я люблю наши круглые столы, так это за то, что они в результате сами выстраиваются в систему развития и смыслопорождения. Конкретизирую пункты, которые можно считать результатами нашей дискуссии, из которых особо существенным я считаю связь между субъектностью и семиозисом смыслообразования:

(1) Прагмасемантика есть синтез семантики и прагматики — их разделение непродуктивно, так как любой смысл определяется контекстом использования.

(2) Механизм смыслообразования обусловлен семиозисом (семиотизацией), в котором ключевую роль играет текстуализация и оязыковление.

(3) В этом плане означаемое порождается означающими, структуры которых, сформированные взаимодействиями и практиками, воспроизводят эти процессы.

(4) Смысл = воплощенные и воспроизводимые программы взаимодействий и практик.

(5) Смыслообразующие (кон)тексты всегда неполны, разомкнуты.

(6) Поэтому в смыслообразовании (воспроизведении) ключевую роль играет апофатический фактор (пробелы, паузы, пустоты), обеспечивающий динамику смыслообразования — выход в ничто, нонсенс, семантический вакуум (В. Налимов), во вневходимость (М. Бахтин), в неприсутствие (М. Хайдеггер, В. Бибихин).

(7) Интенциональность есть стремление к сохранению системы своей целостности (Д. Деннет).

(8) В сложных системах (биологических и далее) возникает возможность саморепликации за счет рекурсивной самоинтерпретации (рефлексивного саморазличения) — трансцендентальный субъект (Э. Гуссерль), странная петля самости (Д. Хофштадтер), субъектность.

(9) Субъектность позитивно физически не дана (пуста, апофатична по самой своей сути), но дает возможность сохранения собственного опыта (память) и наращивания его разнообразия за счет уподоблений, метафоризаций, обеспечивающих связность опыта (памяти), его устойчивое своеобразие («идентичность») и саморазличение.

(10) Тем самым субъектность выступает как универсальный интерфейс, реализующий смену контекстов, их взаимодействие, порождение возможных новых, обеспечивая прокреативность и преадаптивность системы, ее устойчивость и развитие.

(11) Таким образом, для возникновения и действия субъектности важны не только, а то и не столько мышление или также телесный опыт, а стоящий за ними механизм семиозиса.

Благодарности

Материалы круглого стола были подготовлены за счет проекта РНФ 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования», осуществляемого в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

Алкер Х.Р.-мл. Политическая методология: Вчера и сегодня // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Вып. 4: Поверх методологических границ / М. В. Ильин (гл. ред.). М., 2014. С. 345–359.

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М., 2018.

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градусов / пер. с франц. О. В. Ковеневой ; под науч. ред. Н. Е. Копосова. М., 2013.

Вернадский В.И. Очерки геохимии. М., 1934.

Вернадский В.И. Труды по геохимии. М., 1994.

Гайденко П.П. Философия Фихте и современность. М., 1979.

Градоустройство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон : в 2 кн. / отв. ред. Т. М. Дридзе. М., 1998.

Григорьев В.П. Паронимия // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия / отв. ред. А.Д. Григорьева. М. : Наука, 1977. С. 186–239.

Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. М., 2019.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 264–389.

Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. Ереван, 1991.

Золян С.Т. Семиопозис: становление значения в молекулярной генетике и биосемиотике // Критика и семиотика. 2021. №1. С. 57–77. doi: 10.25205/2307-1737-2021-1-57-77.

Золян С.Т. Асимметричный дуализм языкового знака как политический инструмент: метаморфозы французского фантаста на Украине // Иностранные языки в высшей школе. 2022а. №2 (61). С. 15–22. doi: 10.37724/rsu.2022.61.2.002.

Золян С.Т. Смысловое творчество и его лингвистические механизмы: семантическая аттракция // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022б. №1. С. 82–91. doi: 10.31912/pvrl-2022.1.9.

Золян С.Т. Семиотический перпетуум мобиле в действии: ОМОН, омонимы и антонимы // Слово.ру: балтийский акцент. 2023а. Т. 14, №1. С. 86–106. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-6.

Золян С.Т. О семантике языкового знака в свете теории асимметричного дуализма: возможные расширения // Вопросы языкознания. 2023б. №1. С. 151–168. doi: 10.31857/0373-658X.2023.1.151-168.

Золян С.Т. Семантическая аттракция и окказиональное смыслообразование // Иностранные языки в высшей школе. 2023в. №3 (66). С. 18–24. doi: 10.37724/RSU.2023.66.3.002.

Золян С.Т. Что есть дискурс? Возвращаясь к «потаенному» Соссюру // Иностранные языки в высшей школе. 2023г. №4 (67). С. 6–11. doi: 10.37724/RSU.2023.67.4.001.

Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме языкового знака // Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. М., 2004. Т. 2. С. 239–245.

Лефевр В.А. Рефлексия. М., 2003.

Лосев А.Ф. Философия имени / Самое само: Сочинения. М., 1999.

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129–132.

Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М., 2004.

Мандельштам О.Э. Слово и культура: Статьи. М., 1987.

Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 2007.

Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с фр. Б.М. Скуратова; под ред. И.С. Вдовиной. М., 2008.

Розов Н.С. Происхождение языка: коэволюция коммуникативных забот и знаковых структур // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2021. №11. С. 162–193.

Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. Новосибирск, 2022.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с франц. А.А. Холодовича. М., 1977.

Тульчинский Г.Л. Аристотель = Льюис Кэррол – (Лейбниц + Гильберт + Лукасевич), или Отрицательные термины и экзистенциальность силлогистики // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. СПб., 1996. С. 115–118.

Тульчинский Г.Л. Логика Льюиса Кэрролла и гипотеза Лукасевича // Логика, язык и формальные модели. СПб., 2012. С. 152–159.

Тульчинский Г.Л. Стратификационные семантические модели текста: «глубокая семиотика» и «стереометрическая семантика» // Между миром и языком: смысл и текст в коммуникативном пространстве / под ред. С.Т. Золяна и Г.Л. Тульчинского. Калининград, 2022. С. 100–132.

Тульчинский Г.Л. Ленга Мёбиуса прагмасемантики смысла: от культуры через субъектность в ничто – и обратно. // Слово. ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 8–30. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-1.

Человек как открытая целостность / отв. ред. Л.П. Киященко. Новосибирск, 2022.

Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996.

Deacon T.W. Incomplete nature: How mind emerged from matter. N. Y., 2011.

Deacon T.W. How Molecules Became Signs // Biosemiotics. 2021. Vol. 14. P. 537–559. doi: 10.1007/s12304-021-09453-9.

Galtung J. Essays in methodology. Copenhagen, 1977. Vol. 1 : Methodology and ideology.

Hofstadter D.R. I Am a Strange Loop. N. Y., 2007.

Hjelmslev L. Omkring Sprogteoriens Grundlæggelse (= Travaux du Cercle linguistique de Copenhagen. Vol. 25). Copenhagen, 1993.

Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts [1836] // Gesammelte Schriften. Berlin, 1968. Bd. 7. S. 1–344.

Lefebvre V. A. Research on Bipolarity and Reflexivity. N. Y., 2006.

Lotman M. Verse as a semiotic system // Sign Systems Studies. 2012. Vol. 40, №1/2. P. 18–51. doi: 10.12697/SSS.2012.1-2.02.

Monod J. Chance and Necessity: An Essay on the Natural Philosophy of Modern Biology. Fontana, 1971.

Saussure de F. Writings in general linguistics. Oxford, 2006.

Shaumyan S. Signs, Mind, and Reality: A theory of language as the folk model of the world. Amsterdam, 2006.

Uexküll J. Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin, 1909.

Об авторах

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, ординарный профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ИНИОН РАН, Россия.

E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Андрей Александрович Тесля, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: mestr81@gmail.com, AnATeslya@kantiana.ru

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования: Золян С. Т., Ильин М. В., Тесля А. А., Тульчинский Г. Л. Где и как возникают смыслы (материалы круглого стола) // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 8–43. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-1.

WHERE AND HOW MEANINGS EMERGE
(roundtable proceedings)

S. T. Zolyan¹, M. V. Ilyin^{1, 2}, A. A. Teslya¹, G. L. Tulchinskiy^{1, 3}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,

14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

² Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,

51/21 Nakhimovsky Pr., Moscow, 117997, Russia

³ Higher School of Economics National Research University, Saint Petersburg, Russia,

16 Soyuz Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190008, Russia

Submitted on 20.02.2023

Accepted on 11.10.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-1

The discussion aims to identify the interpretive mechanisms that provide an interface between text and context (between language and the world, language and culture, language and society). It is a multi-level system of interfaces connected by inversion and recursion relations and operations. We identify this system as a pragmasemantics. It also acts as an interface platform for correlation/transformation of intra-system semantic units and extralinguistic objects within a set of possible worlds. At the same time, this platform is endowed with the autopoietic potential to generate new operating interfaces systems, as well as textualized structures of operations and interpretations (instructions, memory, reframing). The generation of meaning is the result of the interaction of the system platform with the platform-as-context, due to the possibility that one generates and determines the operational potential of the other, acting a recursive loop or Möbius strip. The connection between subjectivity and meaningful semiosis is crucially important due to the key role of textualization and languaging. The signified are reproduced by signifiers and thus generate those processes that are structured by interactions and other practices. In complex systems (biological and beyond), the possibility of self-replication arises through recursive self-interpretation. Thus, subjectivity acts as a kind of universal interface that determines the change of contexts, their interaction, the generation of possible new ones, ensuring the pro-creativity and pre-adaptability of the system (its stability and development).

Keywords: *semiotics, pragmasemantics, semiosis, contextualization, meaning-making, subjectivity, linguistics*

References

Alker, H.R., jr., 2014. Political Methodology: Old and New. In: M.V. Ilyin, ed. *Metod: moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines], 4, pp. 345–359 (in Russ.).

Asmolov, A.G., Shekhter, E.D. and Chernorizov, A.M., 2018. *Preadaptatsiya k nepredelennosti: nepredskazuemye marshruty evolyutsii* [Pre-Adaptation to Uncertainty: Unpredictable Evolutionary Routes]. Moscow, 212 p. (in Russ.).

Boltanski, L. and Thévenot, L., 2013. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov* [De la justification: Les économies de la grandeur]. Translated by O.V. Koveneva. Moscow, 576 p. (in Russ.).

Deacon, T.W., 2011. *Incomplete nature: How mind emerged from matter*. New York.

Deacon, T.W., 2021. How Molecules Became Signs. *Biosemitotics*, 14, pp. 537–559, <https://doi.org/10.1007/s12304-021-09453-9>.

Dridze, T.M., 1984. *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noi kommunikatsii. Problemy semiosotsiopsikhologii* [Text activity in the structure of social communication. Problems of semiosocial psychology]. Moscow (in Russ.).

Dridze, T.M., ed., 1998. *Gradoustroistvo: ot sotsial'noi diagnostiki k konstruktivnomu dialogu zainteresovannykh storon. V 2 knigakh* [Urban planning: from social diagnostics to constructive dialogue of stakeholders. In 2 parts]. Moscow (in Russ.).

Gaidenko, P.P., 1979. *Filosofiya Fichte i sovremennost'* [Fichte's Philosophy and Modernity]. Moscow, 288 p. (in Russ.).

Galtung, J., 1977. *Essays in methodology. Vol. 1: Methodology and ideology*. Copenhagen: Christian Ejlers, 387 p.

Grigoriev, V.P., 1977. Paronymy. In: A.D. Grigor'eva, ed. *Yazykovye protsessy sovremennoi russkoi khudozhestvennoi literatury. Poeziya* [Language processes of modern Russian literature. Poetry]. Moscow, pp. 186–239 (in Russ.).

Hjelmslev, L., 1960. Prolegomena to the Theory of Language. In: V.A. Zvegintsev, ed. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], 1. Moscow, pp. 264–389 (in Russ.).

Hjelmslev, L., 1993. Omkring Sprogteoriens Grundlæggelse. In: *Travaux du Cercle linguistique de Copenhagen*. Vol. XXV. Copenhagen.

Hofstadter, D.R., 2007. *I Am a Strange Loop*. New York: Basic Books, 412 p.

Humboldt, W. von, 1968. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. 1836. In: *Gesammelte Schriften*. Bd. VII. Berlin, pp. 1–344.

Humboldt, W. von, 2019. *O razlichii organizmov chelovecheskogo yazyka i o vliyaniit etogo razlichiya na umstvennoe razvitie chelovecheskogo roda* [Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts]. Moscow (in Russ.).

Jakobson, R., 1996. *Yazyk i bessoznatel'noe* [Language and the unconscious]. Moscow, 248 p. (in Russ.).

Kartsevskii, S.I., 2004. On the asymmetric dualism of a linguistic sign. In: S.I. Kartsevskii, ed. *Iz lingvisticheskogo naslediya* [From the linguistic heritage]. Vol. 2. Moscow, pp. 239–245 (in Russ.).

Kiyashchenko, L.P., ed., 2022. *Chelovek kak otkrytaya tselostnost'* [Man as open integrity]. Novosibirsk, 420 p. (in Russ.).

Lefebvre, V.A., 2003. *Refleksiya* [Reflection]. Moscow, 496 p. (in Russ.).

Lefebvre, V.A., 2006. *Research on Bipolarity and Reflexivity*. New York: The Edwin Mellen Press.

Losev, A.F., 1999. *Filosofiya imeni / Samoe samo: Sochineniya* [Philosophy of the name / The most self: Essays]. Moscow, 1024 p. (in Russ.).

Lotman, M., 2012. Verse as a semiotic system. *Sign Systems Studies*, 40 (1/2), pp. 18–51, <https://doi.org/10.12697/SSS.2012.1-2.02>.

Lotman, Yu.M., 1992. The semiotics of culture and the concept of text. In: Yu.M. Lotman, ed. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 1. Tallinn, pp. 129–132 (in Russ.).

Luhmann, N., 2004. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Translated by A. Antonovskii. Moscow, 232 p. (in Russ.).

Mandelstam, O.E., 1987. *Slovo i kul'tura: Stat'i* [Word and Culture: Articles]. Moscow (in Russ.).

Monod, J., 1971. *Chance and Necessity: An Essay on the Natural Philosophy of Modern Biology*. Fontana.

Nalimov, V.V., 2007. *Spontannost' soznaniya: Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti* [Spontaneity of Consciousness: Probabilistic Theory of Meanings and Semantic Architectonics of Personality]. Moscow, 198 p. (in Russ.).

Ricœur, P., 2008. *Ya – sam kak drugoi* [Soi-meme comme un autre]. Translated by B.M. Skuratov. Moscow, 416 p. (in Russ.).

Rozov, N.S., 2021. The Origin of language: the co-evolution of communicative concerns and sign structures. In: *Metod: moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines], 11, pp. 162–193 (in Russ.).

Rozov, N.S., 2022. *Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti* [The origin of language and consciousness. How social orders and communicative concerns generated speech and cognitive abilities]. Novosibirsk (in Russ.).

Saussure, F. de, 1997. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Cours de linguistique Générale]. Translated by A. A. Kholodovich. Moscow (in Russ.).

Saussure, F. de, 2006. *Writings in general linguistics*. Oxford: Oxford University Press.

Shaumyan, S., 2006. *Signs, Mind, and Reality: A theory of language as the folk model of the world*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.

Tulchinskii, G.L., 1996. Aristotle = Lewis Carroll – (Leibniz + Gilbert + Lukasevich) or Negative terms and the existentiality of syllogistics. In: *Sovremennaya logika: problemy teorii, istorii i primeneniya v nauke* [Modern logic: problems of theory, history and application in science]. St. Petersburg, pp. 115–118 (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2012. Lewis Carroll's logic and Lukasiewicz's conjecture. In: *Logika L'yuisa Kerrolla i gipoteza Lukasevicha* [Logic, language and formal models]. St. Petersburg, pp. 152–159 (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2022. Stratification semantic models of text: “deep semiotics” and “stereometric semantics”. In: S. T. Zolyan and G. L. Tulchinskii, eds. *Mezhdru mirom i yazykom: smysl i tekst v kommunikativnom prostranstve* [Between the world and language: text and meaning in a communicative context]. Kaliningrad, pp. 100–132 (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2023. The Möbius strip of the pragmasemantics of sense: from culture through subjectivity to nothingness and back. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (4), pp. 8–30, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-1> (in Russ.).

Uexküll, J. von., 1909. *Umwelt und innenwelt der Tiere*. Berlin, 260 p.

Vernadsky, V.I., 1934. *Ocherki geokhimii* [Essays on geochemistry]. Moscow (in Russ.).

Vernadsky, V.I., 1994. *Trudy po geokhimii* [Works on geochemistry]. Moscow (in Russ.).

Zolyan, S.T., 1991. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of a poetic text]. Erevan (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2021. Semiopoiesis: Formation of Meaning in Molecular Genetics and Biosemiotics. *Critique and Semiotics*, 1, pp. 57–77, <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2021-1-57-77> (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2022a. Asymmetrical Dualism of a Linguistic Sign as a Political Tool: the Metamorphoses of a French Fantasy Author in Ukraine. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2 (61), pp. 15–22, <https://doi.org/10.37724/RSU.2022.61.2.002> (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2022b. Meaning Creation and Its Linguistic Mechanisms: Semantic Attraction. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 1, pp. 82–91, <https://doi.org/10.31912/pvrli-2022.1.9> (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2023a. The semiotic perpetuum mobile in action: OMON, homonyms and antonyms. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (1), pp. 86–106, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-6> (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2023b. Semantics of linguistic sign in the light of the asymmetrical dualism theory: Possible extensions. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 151–168, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.1.151-168> (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2023c. Semantic attraction and production of occasional meaning. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2 (65), pp. 18–24, <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.66.3.002> (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2023d. What is discourse? Returning to the “hidden” Saussure. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 4 (67), pp. 6–11, <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.67.4.001> (in Russ.).

The authors

Prof. Suren T. Zolyan, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: surenzolyan@gmail.com

Prof. Mikhail V. Ilyin, Immanuel Kant Baltic Federal University; Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Dr Teslya A. A., PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Scientific Director of the Center for the Study of Russian Thought of the Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: mestr81@gmail.com, AnATeslya@kantiana.ru

Prof. Grigoriy L. Tulchinskiy, Immanuel Kant Baltic Federal University; Higher School of Economics National Research University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Zolyan, S. T., Ilyin, M. V., Teslya, A. A., Tulchinskiy, G. L., 2024, Where and how meanings emerge (Proceedings of the round table), *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 8–43. doi: [10.5922/2225-5346-2024-1-1](https://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-1-1).

